



УДК 323.46

А.И. Лысюк

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье изучается воздействие культурной травмы на формирование института политического лидерства в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Выделяются и исследуются основные параметры культурной травмы и ее детерминирующие возможности относительно политического лидерства. Определяются основные способы ее преодоления. Выделяются основные типы, стили и патологии политического лидерства, порожденные культурной травмой. Отмечается, что ценностная консолидация посткоммунистических обществ на демократических началах естественным образом приводит к утверждению демократических форм политического лидерства.

Введение

Феномен политического лидерства испытывает на себе существенное воздействие широкого спектра социокультурных факторов [1]. Однако до настоящего времени практически неисследованной остается проблема детерминирующего влияния на него социальной (культурной) травмы, вызванной крахом коммунизма в Восточной и Центральной Европе. Сам же феномен травмы детально разработан и описан польским исследователем Петром Штомпкой, применительно к динамике социальных изменений в посткоммунистическом обществе [2; 3]. Культурная травма связана с резким и неожиданным разрушением доминировавших ранее ценностных систем, потерей устойчивых ценностных ориентаций, дезорганизацией, расколом, конфликтом внутри господствовавшей ранее культуры, охватившей ее ключевые компоненты – ценности, верования, нормы. В результате этого «происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение... Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает...» [2, с. 8, 10]. Некоторыми российскими и украинскими исследователями сделан анализ влияния отдельных аномических факторов на партийное и государственное лидерство [4; 5]. Однако сама аномия является только одним из компонентов культурной травмы, не исчерпывая ее содержания. Поэтому возникает необходимость дать целостный анализ воздействия культурной травмы на институт политического лидерства, формирующийся в посткоммунистическом обществе.

Культурная травма как источник политического лидерства

Прежде чем перейти к анализу воздействия «культурной травмы» на лидерство в постсоветских государствах, укажем на значимость в политических процессах национальной культурной традиции, обладающей огромной исторической инерцией, что не может не сказываться на системе государственного лидерства. По утверждению российского политического философа Б. Капустина, который солидаризируется с рядом исследователей, «с приходом современности традиции не только покорно не уступают ей место, но и вступают с ней в сложное взаимодействие, более того, именно они (а не имманентные законы модернизации) определяют ход эволюционных процессов» [6, с. 10]. Историческая политико-культурная традиция постоянно



воспроизводит идеальный и наиболее приемлемый для данного политического пространства образ власти и правителя, который может не соответствовать внешним политико-институциональным изменениям.

Таким образом, несмотря на динамизм общественных преобразований, быстрое и интенсивное становление новых социально-политических институтов, прежняя политическая культура, оставаясь наиболее ригидным и инерционным социальным элементом, сохраняет свое влияние на общество, что не может не приводить к власти на первой фазе транзита выходцев из партийной номенклатуры, заключающих в себе компоненты советской модели политического лидерства. По этой же причине «новые политические лидеры» в той или иной степени будут носителями «родимых пятен» прежней (советской) культурной системы, поскольку доминирующим культурным типом длительное время остается «советский человек». Отсюда эклектичность политической практики и идеологии государственных лидеров эпохи транзита, в которой причудливым образом соединяется «старое» и «новое». С одной стороны, например, в их риторике заметно обновление идеологического репертуара с акцентом на либеральные ценности. С другой – в коммуникациях с населением своих стран эти лидеры не могли не проявлять элементы патернализма.

Каким образом культурные травмы детерминируют политическое лидерство в посткоммунистических государствах? Во-первых, в этих государствах очевидна аномия культурных и социальных систем, которая характеризуется отсутствием в обществе ценностно-нормативной консолидации и порождаящая своеобразный «культурный шок», ценностный и нормативный хаос. Как показывают, например, социологические опросы, в Украине более 80 % населения были подвержены состоянию аномической деморализованности [7, с. 11]. По мнению российских и белорусских социологов, нынешнее состояние обществ в России и Беларуси также является преимущественно аномическим. Постсоветская аномия не могла не сказаться на господствующих моделях политического лидерства, вызывая в них те или иные дисфункции и деструкции. Российский исследователь А. Пригожин детально описал содержание и типы подобных патологий [4, с. 27]. Кроме этого, создается социальный спрос на лидеров авторитарического толка, политических харизматиков, призванных выполнить важную социальную миссию по наведению социального порядка, что детерминировало, в частности, государственное лидерство А. Лукашенко.

Во-вторых, культурные травмы порождают политико-культурные расколы как между различными сообществами, так и на уровне субкультур политических элит и социальных масс. Зарождение в эпоху перестройки политического и идеологического плюрализма актуализировало и активизировало «культурные миры» различных социальных субъектов, каждому из которых изначально свойственна ориентация на конкретную модель политического лидерства. Линия раскола проходит не только между отдельными социальными группами, регионами, но и цивилизациями. Расколото и деформировано само сознание человека эпохи транзита. Складывается парадоксальная картина, описанная российскими социологами, но во многом типичная для Республики Беларусь и Украины: «Россияне в большинстве своем одновременно были убеждены в необходимости реформирования страны, продвижения ее по рыночному пути, не хотели возвращения к социализму и плановой экономике и считали важными многие демократические ценности, но все это мирно сосуществовало в их головах с идеей неприемлемости западного пути развития» [8, с. 35].



Однако в культурно расколотом обществе формируется нужда в лидере общенационального масштаба, снимающего культурные противоречия, интегрирующего политические субкультурные пласты, вырабатывающего общую волю, цели и смыслы, что жизненно необходимо в условиях утверждения государственного суверенитета и консолидации общества. В этой ситуации государственный лидер не только призван персонифицировать новое независимое государство, но и быть носителем новой ценностной парадигмы, «национальной идеи». Поэтому неслучайно стремление главы белорусского государства не только административно-политически «схватить», интегрировать общество, но и предложить ему общегосударственную идеологическую доктрину с претензией на универсальность и общеобязательность. В российском контексте, к примеру, артикуляция В. Путиным идеи возрождения «Великой Руси» существенно укрепила его политический авторитет в условиях столкновения между развивающейся культурой западного типа и «самодержавной политической культурой» (А. Липкин).

В-третьих, культурным травмам свойственен отчетливо выраженный синдром недоверия, порождающий в обществе низкий уровень социального капитала, общее разочарование в политике и политиках, политическую пассивность населения. Как следствие этого, в большинстве государств наблюдается низкий уровень доверия к большинству социальных и политических институтов, включая и институт политического лидерства.

Восстановление доверия в условиях транзита достигается двумя способами. С одной стороны, через рост авторитета харизматического лидера, как это произошло в постсоветской Беларуси, одним из последствий которого является повышение общего доверия к органам государственной власти. С другой стороны – посредством возрождения традиционного для данного государства, политико-культурной системы типа политического лидерства (авторитарное лидерство в Российской Федерации), что с необходимостью приводит к повышению авторитета власти и властвующих.

Низкий уровень социального капитала в Украине в определенной мере обусловлен тем, что не удалось найти оптимальную модель лидерства, соответствующую господствующим культурным парадигмам. Как следствие, уровень доверия к политикам и политическим институтам редко превышает 30%. Это свидетельствует о высокой степени отчужденности всей системы государственной власти, политического класса от общества, что чревато реальными и потенциальными конфликтами.

В-четвертых, культурная травма сопровождается общим «упадком нравов», аморальностью политической практики, утверждением того, что некоторые авторы называют «циничной политической культурой», существующей «по ту сторону добра и зла». В постсоветских государствах процесс «этизации политики» не просто запаздывает, но можно даже говорить о ренессансе макиавеллизма. В частности, украинские исследователи указывают на архаичность, эгоистичность, алчность, отсутствие морального авторитета, непрофессионализм властвующей элиты, активно обсуждая вопрос на том, каким же образом можно подготовить новые политические кадры, соответствующие вызовам времени [9; 10].

Отсюда появление ряда политических лидеров, не скрывающих своей аллергии на нравственные нормы и принципы, выстраивающих политическую деятельность по законам шоу-индустрии и скандала, а их действиям присущи разрушительность, болезненная амбициозность, демагогия и популизм. В силу интеллектуальной и



культурной уцербности они не способны консолидировать усилия общества по созданию нового социального формата. Эталонным примером подобного политика является В. Жириновский, политическая практика которого не соответствует даже критериям обыденной морали.

Можно предположить наличие у лидеров «новых государств» позитивной моральной мотивации, выраженной в стремлении помочь нуждам бедствующего народа, как это было присуще, по утверждению Н. Бердяева, революционным лидерам пролетарского переворота в России. Однако в силу того, что подавляющее большинство из них допускает использование различных средств для достижения искомой благородной цели, вступает в действие закон «тирании средств», предполагающий, что «средства» сами формулируют и реализуют собственные цели, лишая, тем самым, политическую практику лидеров отчетливых нравственных ориентиров. Этому способствовало и то, что систему «новой власти» форматировали преимущественно выходцы из старой номенклатуры (второй-третьей эшелоны) с изначально приглушенным нравственным голосом.

Однако очевидно, что в ситуации деморализации политического пространства возникает социальная нужда в моральном общенациональном политическом лидерстве. Украинский исследователь Г. Зеленко отчетливо показала, что на определенном этапе демократического транзита (фаза демократизации) рождается спрос на «моральных лидеров», возглавивших антиавторитарные «бархатные революции», заключающих с последователями не только социальный, но и моральный контракт [11, с. 139].

В-пятых, культурная травма сопровождается кризисом различных форм социальной идентичности. Особой остротой обладает идентичность национальная, поскольку человеку, проживающему в условиях постсоветского транзита, зачастую трудно отнести себя к определенной национально-этнической группе. В его личности конкурируют сразу несколько из них: советская, европейская, этническая, локальная (местная) и др. Зачастую в зависимости от того, какая идентичность является доминирующей, решается вопрос в пользу выбора того или иного варианта транзита. Трудности, неопределенность национальной идентификации, приводят к власти политиков, для которых задачи национального возрождения не являлись приоритетными. Подобный уровень национального самосознания и его оторванность от европейских социальных корней становятся существенным барьером на пути формирования демократического типа лидера европейского образца, отягощая политическую деятельность В. Ющенко нерациональностью действий, Ю. Тимошенко – популизмом, В. Януковича – авторитаризмом.

Культурная травма приводит к разрушению не только культурной идентичности, но и социальной, связанной с упразднением прежних социальных статусов и ролей. В этих условиях идентичности как никогда неустойчивы, динамичны, контекстуальны, неоднозначны. Человек эпохи транзита не может точно и определенно отнести себя к какой-либо социальной общности, что естественным образом порождает чувство социальной слабости, растерянности и беспомощности. Этому же способствует и амбивалентность его чувств. Подобный внутренний дискомфорт преодолевается, в особенности, посредством обращения к фигуре сильного лидера.

В-шестых, культурная травма способствует возникновению мрачного взгляда на будущее и основана на «ностальгии по прошлому», в данном случае – советскому. Как следствие этого, рождается социальный спрос на лидеров коммунистического толка,



авторитарные модели управления, просоветскую риторику политических лидеров, что заметно на примере новейшей истории Украины, России и Беларуси.

Одновременно общее разочарование в неэффективной политике и политиках приводит к их отчуждению от значительной части граждан государства, к снижению политической активности в обществе, к ограничению электоральной поддержки государственных лидеров.

В-седьмых, культурная травма порождает двухполюсное, «манихейское» мировосприятие у основных политических акторов. В этом случае на первом этапе транзита (фаза либерализации) наблюдалось противопоставление коммунистической и антикоммунистической доктрин и практик. Доминанта антикоммунизма, утверждая переход к преимущественно плюралистическому мировосприятию, естественным образом сформировала социальный спрос на лидера консенсного, демократического типа, эталонным воплощением которого, например, в Беларуси стал С. Шушкевич.

В-восьмых, культурная травма в условиях транзита сопровождается слабой представленностью в сознании социальных масс, политической элиты демократических ценностей.

Украинские аналитики, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что демократические ценности мало волнуют среднестатистического жителя Украины, что украинцы могут легко отказаться от демократических институтов и согласиться на нерепрессивный авторитаризм для «наведения порядка», повышения уровня жизни и социальных гарантий, поскольку в стране существует авторитарно-приспособленческий тип социального характера массы, предполагающий гипертрофическую роль властвующей элиты, лидеров. Как следствие этого, по заключению ряда экспертов, в Украине наблюдается пусть медленный, но, тем не менее, последовательный рост авторитарно-тоталитарных методов государственного управления [12].

Еще в большей степени отчуждение от демократических ценностей присуще Российской Федерации, что не может не рождать в системе политического лидерства тренд в сторону авторитаризма. Так, в одном из недавних опросов Левада-Центра на вопрос, насколько России подходит социальное устройство западного типа, 37 % ответили, что оно полностью противоречит русским обычаям, еще 30 % – что подходит лишь частично. Лишь 15 % думают, что западные модели могут быть как-либо приспособлены к российским условиям, и только 4 % полагают, что западная модель универсальна и ей должна следовать Россия [13, с. 102].

Подобная ситуация применительно к феномену политического лидерства способствует росту патерналистских настроений в обществе, в классическом варианте представленных в Беларуси. Даже в экономической сфере, как отмечает белорусский социолог Г. Соколова, «большинство белорусов строят неактивное экономическое поведение... Активный же тип экономического поведения реализуют менее 20 % белорусов» [14, с. 66, 68]. Все это способствует практически полному отсутствию реформистской или же революционной моделей демократического транзита, обусловленных давлением «снизу».

В-девятых, для системы политического лидерства в эту эпоху характерен синдром «временщичества», связанный с деформацией традиционных оснований организации власти и переходу к новому политическому порядку, следующему императиву – «после меня хоть потоп». В этой ситуации власть лишена своих исторических корней, предельно произвольна, полукриминальна, эгоистична,



подвержена клановости, изворотлива, оторвана от национальной почвы, не знает соображений меры и общественного блага. Подобный синдром продуцирует политическое лидерство, являющееся частью эрзац-элиты, тотально зависимое от политической конъюнктуры, ставящее во главу угла узкокорыстные интересы правящего сословия при игнорировании интересов общества как целого и используя при этом широкий спектр орудий имитации.

В-десятых, в силу «культурного хаоса» наблюдается определенная степень дерационализации политического лидерства, проявляющаяся в том, что важное место в политическом процессе начинают занимать иррациональные элементы: религиозные верования, мифологические сказания, бессознательные интенции и харизма и т.п.

Способы преодоления культурной травмы

Существует два основных способа преодоления культурной травмы в посткоммунистических государствах. Одним из них является феномен мировой социализации, предполагающий активную, зачастую некритичную ориентацию транзитного государства на определенные мировые политические модели. Для этой группы государств наиболее привлекательной является «модель» трансформацией общества на основе «западных образцов», используя режим «демократического прорыва», что продуцирует менеджерский тип политического лидерства, нацеленный на формирование консолидированной демократии. Именно этот вариант социальной модернизации первоначально выбрала суверенная Украина, однако не обнаружила в себе достаточно лидерских и политико-культурологических ресурсов для его осуществления.

Важным социализатором в рамках восточнославянской цивилизации выступает Россия, в целом «русский мир», исходящие из того, что российскому социуму по политико-культурным основаниям противопоказана западная демократическая модель политического лидерства. Для современной России органично авторитарное политическое лидерство, производное от исторической политической традиции и национального образа жизни. Данная модель лидерства является составной частью системы «русской власти», представленной «в самодержавии (от великокняжеского до президентского), в стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, привычке делать ставку на принуждение и насилие» [15, с. 8]. В силу этого, политический лидер в той или иной степени воспроизводит черты самодержца.

Подобная политико-культурная ситуация относительно лидерства приводит к двум последствиям. С одной стороны, появлению к сильным региональных лидеров. С другой стороны, по причине неопределенности общенациональной политической культуры, к слабому государственному лидерству в масштабах страны. В этих условиях государственный лидер может (и должен) заключать в своей деятельности императивы обеих культур, что продемонстрировало при всей своей противоречивости президентство Л. Кучмы. «На случай, если приходится выбирать между Востоком и Западом, между Россией и НАТО, между православием и католицизмом, между сербами и Косовом, в Украине есть два Леонида Кучмы. Иными словами, украинский президент расколот – подобно как расколота вся Украина на протяжении нескольких столетий своей истории» [16, с. 48]. В настоящее время в Украине лидерская позиция политико-культурного интегратора остается вакантной.

Второй способ преодоления культурной травмы – использование, если применять терминологию П. Штомпки, «фонда унаследованных культурных ресурсов».



Чем более укоренено общество в определенное цивилизационное пространство, тем больше они стремятся к заимствованию соответствующих ему моделей политического лидерства, особенно в условиях социальной аномии и политического кризиса. В тех ситуациях, когда в общественном сознании цивилизационная парадигма выступает определено и однозначно, актуализируется соответствующий ей образ политического лидера. Действительно, российский новый традиционализм, «самодержавная политическая культура» с неизбежностью формируют персонафицированную и никем не ограниченную власть лидера.

Заклучение

Очевидно, таким образом, что культурная травма в посткоммунистических государствах, приведшая к дезорганизации господствующих в обществе ценностных систем, оказала существенное воздействие на формирование и функционирование института политического лидерства. С одной стороны, ее результатом стали те или иные патологии этого феномена. С другой стороны, появилось разнообразие и смешение его форм и стилей. С третьей – укрепление в ряде государств авторитарных и патерналистских тенденций. Ценностная консолидация посткоммунистических обществ на демократических началах естественным образом приводит к утверждению демократического лидерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысюк, А.И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция : моногр. / А.И. Лысюк. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.
2. Штомпка, П. Социальное изменение как травма. Статья первая / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
3. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
4. Пригожин, А.И. Патологии политического лидерства в России / А.И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 23–29.
5. Шайгородський, Ю. Роль міфологічної свідомості у розумінні політики / Ю. Шайгородський // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. Верасень – 2007. – С. 50–63.
6. Капустин, Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.
7. Головаха, Е.И. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине / Е.И. Головаха, Н.В. Панина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5–10.
8. Тихонова, Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 34–45.
9. Головатий, М. Політична еліта для сучасної України: регіональний і національний контекст / М. Головатий // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 42–47.



10. Михальченко, М. Пошук лідерів: чесних, талановитих, справедливих / М. Михальченко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 15–21.
11. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С.136–146.
12. Бебик, В.М. До нарисів конституції третьої республіки / В.М. Бебик, В.В. Кобржицький, О.В. Охотникова // Стратегічні пріоритети. – 2008. – № 2 (7). – С. 105–109.
13. Седов, Л.А. Россия: культурно-генетическая среда / Л.А. Седов // Общественные науки и современность. – 2007. –№ 6. – С. 98–110.
14. Соколова, Г.Н. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа / Г.Н. Соколова // Социология. – 2009. – № 3. – С. 57–69.
15. Слизовский, Д.Е. Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы / Д.Е. Слизовский, Н.В. Шуленина. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 645 с.
16. Гнатюк, О. Прощание с империей. Между Востоком и Западом / О. Гнатюк // Перекрестки. – 2005. – № 1–2. – С. 37–97.

Lysiuk A.I. Cultural Trauma as a Source of Political Leadership in Post-Communist Society

In the given article the influence of cultural trauma on the formation of a political leadership institution in post-Communist countries of Central and Eastern Europe is studied. Singled out and studied are the main parameters of cultural trauma and its determining possibilities relative to political leadership. Defined are the main ways of its overcoming. Singled out are the main types, styles, and pathologies of political leadership spawned by a cultural trauma. It is mentioned that the value consolidation of post-Communist societies on democratic principles in a natural way leads to the adoption of democratic forms of political leadership.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.05.2011